

УДК 93

ЗЕМСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ КАК ОБЪЕКТ КОНТРОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

© Наталья Анатольевна БУЗАНОВА

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры профильной довузовской подготовки
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: buzanova.natalya@yandex.ru

Рассмотрен институт земских участковых начальников как объект контроля со стороны вышестоящих инстанций. Интерес представляет тот факт, как осуществлялся надзор за самими земскими начальниками и их деятельностью, ведь в их компетенцию входили обширные полномочия: административные, судебные функции, заседания в комиссиях и т. п. Контроль за деятельностью вышеупомянутых должностных лиц осуществлял уездный съезд, состоящий из административного и судебного присутствия. Но, как показал анализ исследования, уездный съезд по своему составу фактически являлся таким же продворянским учреждением, как и сами земские начальники, и потому контроль носил зачастую формальный характер. Ревизии земских участков проводились нечасто. В Тамбовской губернии они были в период с 1906 по 1909 гг., в 1912 г. и в 1915 г. При этом ревизии в большинстве случаев заканчивались успешно, несмотря на выявленные ошибки. Таким образом, контроль за институтом земских начальников существовал. Но он был скорее формальным, нежели фактическим. Практически во всех инстанциях земские начальники, за рядом некоторых исключений, находили поддержку. Все это делало власть должностных лиц огромной, позволяющей вмешиваться во многие стороны крестьянской жизни.

Ключевые слова: земский участковый начальник; гражданские дела; уголовные дела; контроль; ревизия; уезды Тамбовской губернии

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-121-128

Закон 12 июля 1889 г. «О земских участковых начальниках» ввел в сельских местностях новые должностные лица крестьянского управления, на которые возлагались обширные полномочия разного свойства и характера: административные, судебные функции, заседания в разного рода комиссиях и присутствиях, вплоть до оценки недвижимого имущества или отсрочек от отбывания воинской повинности.

В результате в руках земских начальников оказались многие нити и рычаги крестьянского самоуправления и даже крестьянской бытовой жизни. Все население участка оказалось под многовластной «опекой» земского. Но не менее интересным и вызывающим внимание является вопрос по поводу того, как осуществлялся контроль за самими земскими начальниками, точнее сказать, за их деятельностью и был ли он вообще. Не менее важным является выяснение вопроса о том, в какую инстанцию имели право обратиться крестьяне в том случае, когда земский начальник превышал свою власть и возложенные на него законом полномочия.

Контроль за деятельностью земских начальников, по закону 12 июля 1889 г., осуще-

ствлял их уездный съезд, заменивший уездные по крестьянским делам присутствия и съезды мировых судей. Согласно ст. 62 «Положения», земские начальники ежегодно представляли уездному съезду отчет о своей деятельности [1]. Он включал в себя следующие документы:

- 1) ведомость о движении административных дел;
- 2) ведомость о мирских расходах по обществам;
- 3) сведения о ремонте общественных зданий;
- 4) отчет о состоянии участка с приложением протоколов о ревизии каждой входящей в его состав волости;
- 5) ведомость о движении уголовных дел;
- 6) ведомость подсудимым по делам, бывшим в рассмотрении в течение отчетного года, а также приговоренным к наказаниям и оправданным приговорами земского начальника;
- 7) ведомость о движении гражданских дел;
- 8) алфавитный список лиц, осужденных волостными судами.

Каждое полугодие в уездный съезд сдавалась ведомость о движении судебных дел в участке земского начальника и в волостных судах участка, а также ежемесячно представлялась ведомость о движении судебных и административных дел.

В уездном съезде земских начальников полагались административное и судебное присутствие. Административное присутствие состояло под председательством уездного предводителя дворянства из всех участковых земских начальников уезда, исправника, податных инспекторов и председателя уездной земской управы [2, с. 58]. Оно рассматривало приговоры сельских и волостных сходов, опротестованные земскими начальниками, и могло их утвердить или отменить, решало дела об увольнении от службы должностных лиц сельского и волостного управления и о предании их суду. Судебное присутствие также возглавлял уездный предводитель дворянства, и состояло оно из уездного члена окружного суда, почетных мировых судей, городских судей и земских начальников [3, с. 21].

Казалось бы, контроль, доверенный уездному съезду, должен был гарантировать законность, столь часто нарушаемую земскими начальниками. Но, как мы видим, уездный съезд по своему составу фактически являлся таким же продворянским учреждением, как и сами земские начальники, и потому не мог изменить существенные черты всего института. Принимая во внимание, что и предводитель дворянства, и председатель уездной земской управы, и почетные мировые судьи – местные дворяне-землевладельцы, а исправники и податные инспектора заняты своей работой и едва ли участвовали в съездах, логично предположить, что в уездном съезде земские начальники сами себя контролировали.

Главный недостаток реформы, как отмечалось в литературе того времени, заключался в том, что над земскими начальниками, наделенными столь обширной властью, не было надлежащего контроля. И это действительно так. Критики обращали внимание именно на ближайшую контролирующую инстанцию – уездный съезд. Указывалось на то, что в съездах часто приходилось слышать такие мнения: «Господа, однако, земский начальник Семен Петрович очень обидится, если мы отменим его решение» или «Госпо-

да, знаете, Петр Петрович будет очень недоволен, потому что он...» [4, с. 8] и т. д.

Конечно, каждый из земских начальников, входивший в состав уездного съезда, знал, что ежели он отменит приговор, постановление другого земского начальника – будь то Иван Иванович или Петр Петрович, то через 15 минут в совещательной комнате сядет на его место тот или иной и, в свою очередь, непременно отменит его приговоры или постановления. А потому, дорожа непререкаемостью своего «приказания», земский начальник обязательно поддержит своих сослуживцев, как бы оно ни было странно с точки зрения правосудия.

Эту ситуацию «круговой поруки» подтверждает земский начальник Тамбовской губернии А.И. Новиков, по свидетельству которого административный съезд, состоящий из земских начальников, не пойдет против своего товарища. Желая быть полновластным у себя, каждый, очевидно, исполнит желание соседа, даже если съезд недружный. При этом А.И. Новиков уточняет, что на съездах часто бывают споры, но только в вопросах принципиальных. В тех же случаях, от которых зависело полновластие земских начальников, съезды почти всегда утверждали их представления [5].

Аналогична была ситуация и в судебных заседаниях. Если крестьянский начальник скажет: «О, я этого знаю, это негодяй», то невольно у других возникает мысль: «Ему должно быть ближе известно, он живет в этом участке и лучше осведомлен о положении дел и лиц, проживающих на нем» [5, с. 36-38], и решение автоматически утверждалось.

В периодической печати встречаются примеры обвинительных приговоров, основанных единственно на том, что обвиняемый лично известен земскому начальнику как «вредная» личность. Так, один из земских начальников, имя которого не указано, осудил крестьянина за то, что тот известен ему как «человек, безусловно испорченный» [6, с. 728]. Правда, что понималось под этим, «земский» не разъяснял.

Напрашивается вывод о том, что деятельность уездного съезда была направлена, прежде всего, на поддержание престижа власти и интересов земского начальства, которое сплошь и рядом подменяло собой тот

принцип, который должен быть осуществлен в суде – принцип законности.

В.И. Гурко указывал, что главная причина, по которой институт земских начальников не был на высоте своего призвания, состояла в том, что «по своем учреждении он был предоставлен самому себе без должного или, вернее, всякого руководства» [7]. Земские начальники с самого их образования, утверждал он, «были не только предоставлены сами себе в смысле руководства их деятельностью, но даже не было принято мер к выяснению степени соответствия назначенных лиц возложенным на них обязанностям» [7, с. 181-183]. Кассационной инстанцией для дел, которые были рассмотрены земскими начальниками, являлось губернское присутствие. Оно учреждалось в каждой губернии и состояло под председательством губернатора из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружного суда или его товарища и двух непременных членов [8, с. 362].

Первая ревизия института, охватившая 24 уезда, расположенные в трех губерниях (к сожалению, В.И. Гурко не указывает – каких именно), была произведена лишь в 1904 г., то есть спустя 15 лет после их учреждения. Она обнаружила множество вопросов, настоятельно требовавших компетентного разрешения. Выяснилось, что надзора за деятельностью земских начальников почти вовсе не существовало иначе, как в порядке рассмотрения поступающих на их решения и действия жалоб от заинтересованных лиц. Происходило это вследствие того, что лица, на которых возложен был законом этот надзор, то есть уездные предводители дворянства, председатели уездных съездов, за редкими исключениями не только его не осуществляли, но всемерно его избегали, поскольку подведомственные им земские начальники были одновременно теми лицами, от которых во многом зависело избрание самих уездных предводителей. «Не раз приходилось слышать мнение предводителей дворянства, что для них уничтожить земского начальника столь же трудно, как раздавить насекомое между пальцами», – делился современник своими впечатлениями [9, с. 35]. «О предводителе и его ревизиях земских начальников говорить нечего, – вспоминал А.И. Новиков. – Он дворянин местный, и они

дворяне местные, его же избирающие. Ревизий нигде почти предводительских не бывает, а если и бывает, то в форме дружеских бесед. Предводитель – защитник земских начальников, а не контролер» [5].

Аналогичную ситуацию можно констатировать и при ревизиях председателей съездов. Добросовестный чиновник, земский начальник одной из северных губерний В. Поливанов был шокирован тем, как она прошла в его участке. Когда он предложил председателю съезда Дондукову осмотреть канцелярию, волостные правления, документацию, тот ответил: «Вы, никак, и в самом деле думаете, что я вас ревизовать собираюсь! Велено проревизовать, ну, я и приехал, а я и так знаю, что у вас все будет хорошо. Вы вот только... не забудьте мне дать удостоверение, что я был у вас» [10, с. 18]. Конечно, Дондуков побывал и в канцелярии, и в волостном правлении, но потратил на это не более одного часа. «Странное у меня было чувство, – недоумевал В. Поливанов, – я ждал ревизии, ...готовился к ней, возлагал надежды... Неужели мой труд, мое дело заслуживает только такого легкомысленного отношения?!» [10, с. 20].

В соседнем с В. Поливановым участке земского начальника Сапожкова все было гораздо сложнее, и ревизия могла вскрыть многие упущения в его работе. Единственное, на что рассчитывал Сапожков – это хорошо угостить «дорогого» гостя. На замечание В. Поливанова, что ревизор едет проверять не кухню, а канцелярию, он обиделся, сказав: «Вам хорошо, у вас участок чистый, а мне без индюка не обойтись» [10, с. 21]. Ревизия продолжалась более длительное время. Неизвестно, что подействовало на Дондукова – «ревизорское ли мясо», запитое шампанским, или спетая земским начальником с искренним чувством «Жизнь», только он решительно отказался от написания отчета о ревизии участка, и Сапожков усидел на своем месте.

Наиболее обстоятельные ревизии по всем уездам Тамбовской губернии были проведены лишь в 1906–1909 гг., в 1912 и в 1915 г. Главное, на что обращалось внимание в ходе ревизий – разбор земскими начальниками судебных и административных дел, контроль с их стороны за волостными правлениями, волостными судами, а также за деятельно-

стью сельских старост, волостных старшин и других, надзор крестьянских начальников за податной и продовольственной частью, осуществление ими особых обязанностей. В большинстве уездов ревизии прошли достаточно благополучно для земских начальников. Если и усматривались какие-либо ошибки, то признавался их незначительный характер. По крайней мере, по результатам ревизий ни один земский начальник уволен не был. Даже земскому начальнику 7-го участка Борисоглебского уезда П.Н. Бабанину, в ходе ревизии которого в 1908 г. было установлено, что его административная часть не находится в должном порядке, губернское присутствие приняло весьма мягкое постановление: за допущенную медлительность в делопроизводстве (а помимо административных дел, им не было решено более 60 % уголовных дел!) и весьма слабый надзор за должностными лицами сельского и волостного управления объявить выговор. Фактически вместо увольнения ему было предложено привести в порядок свое делопроизводство [11, л. 147]. В данном случае губернское присутствие не ошиблось в своих действиях и в самом земском начальнике, поскольку П.Н. Бабанин, приняв во внимание все замечания неопытного члена губернского присутствия, к ревизии 1912 г. устранил недостатки предшествующей деятельности. Судя по данным повторной ревизии, было замечено стремление земского начальника поставить дело в участке на надлежащую высоту.

При ревизии делопроизводства земского начальника 4-го участка Моршанского уезда А.И. Семенихина в июне 1908 г. было признано, что он как земский начальник слаб, о положении своего участка мало осведомлен, выезжает в него редко, дела рассматривает медленно, в законах мало сведущ. Казалось, увольнения не избежать. Однако было принято во внимание, что А.И. Семенихин долгое время заведовал двумя участками, что осложняло его работу, и он был оставлен при должности [12, л. 22].

При ревизии деятельности земского начальника 7-го участка Тамбовского уезда Д.Н. Пичугина в ноябре 1908 г. также было выявлено много недостатков: ошибки и неправомерности в разрешении административных, судебных дел, особенно уголовных, недостаточно мотивированные постановления,

ко всему этому еще и «хромала» подсудность. Но и Д.Н. Пичугин был оставлен на своей должности. Непременный член присутствия признал, что Д.Н. Пичугин еще молод, однако проявляет много энергии и усердия, и пожелал ему меньше горячности в образе действий и больше обдуманности в распоряжениях [13, л. 12-13].

Следует отметить, что ревизией 1908 г. у отдельных земских начальников делопроизводство было признано удовлетворительным.

Ревизия 1909 г. охватила три уезда: Усманский, Тамбовский, Липецкий. Проверка начальника 6-го участка Усманского уезда В.И. Герасимова в июне–июле показала, что административная часть, в отличие от судебной, находится в неудовлетворительном состоянии. Главный недостаток – отсутствие производства дел в спорном порядке, отсутствие личных дознаний. По мнению ревизующего, во многом причиной этого служит неопытность В.И. Герасимова. Вместе с тем земский начальник проявил очевидное желание устранить все дефекты [14, л. 16].

Из трех земских начальников Тамбовского уезда – А.И. Сатина, В.Н. Александровича, В.А. Урнужевского, подвергшимся ревизиям, лишь у В.А. Урнужевского административная и судебная часть находилась в плохом состоянии. Отмечены были его медлительность при их рассмотрении, отсутствие надзора за должностными лицами. Освобождая себя от повседневной работы, земский начальник дознания по большинству дел перепоручал волостным старшинам.

Часто за какие-то другие заслуги земским начальникам прощалась неудовлетворительная работа по судебной и административной отрасли. Например, у земского начальника из Козловского уезда А.Н. Давыдова было выявлено в ходе ревизии очень много ошибок. Однако, ввиду «проявленного им рвения по другим отраслям, а именно дел по укреплению земли в личную собственность, сумевшему вселить в сознание крестьян пользу закона 9 ноября 1906 г. (Столыпинская аграрная реформа) и успешно содействовавшему землеустройству крестьян, признать его деятельность в общем удовлетворительной» [15, л. 57об.].

Письмоводитель И. Дмитриев указывал, что у его земского начальника Н.П. Дьякова (1-й участок Елатомского уезда) ко времени

ревизии (июнь 1915 г.) не было разобрано более 90 % дел! Но дела эти не регистрировались и потому не были обнаружены ревизующим. Между тем лежали они около 10 лет без всякого движения. По словам И. Дмитриева, земский начальник успокаивал себя тем, что все дела просматриваться не будут. Однако в ведомости о годовом движении дел Н.П. Дьяков аккуратно ставил 50–60 % дел, остававшихся нерешенными.

Таким образом, проводившиеся ревизии часто были формальными. В области судебной ревизия сосредоточивалась преимущественно на внешней стороне дела, удостоверяясь в соблюдении процессуальных форм и обрядов, в отсутствии медлительности в разборе дел, в достаточной мотивировке решений. Лица, ревизующие земских начальников – неперемные члены губернских присутствий, уездные предводители дворянства – сами были не всегда сведущи в судебном деле. Характерен в этом случае следующий пример, взятый из соседней губернии – Саратовской. Здесь в губернском присутствии разбиралось дело о земском начальнике Языкове, обвинявшемся в нанесении побоев крестьянину Ежкину. Последний был вызван к земскому начальнику, но крестьянин не явился и был «притащен» сотским. Произошло объяснение с земским начальником наедине. Результатом «беседы» было разбитое лицо крестьянина, который был увезен сотским в кутузку на три дня. Ежкин подал жалобу в губернское присутствие, и на дознании Языков сознался, что ударил крестьянина. Губернское присутствие нашло, что поступок Языкова предусмотрен ст. 347 Уложения о наказаниях (в статье назначено наказание за обиду, нанесенную должностному лицу при исправлении служебных обязанностей), и не возбудило уголовного преследования [16, с. 801-802]. Это постановление бросает свет на уровень компетентности членов губернского присутствия в делах судебных. Действия земского начальника были превышением власти, весьма серьезным по своему свойству. Получалось, что земские начальники опасны не только тем, что могут превысить власть, но и тем, что это превышение останется безнаказанным.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в Тамбовской губернии. Крестьянка с. Сасова Елатомского уезда С.П. Курникова предста-

вила в губернское присутствие жалобу на своего земского начальника В.В. фон дер Лауница, который без повестки вызвал ее к себе для разбора дела по обвинению крестьянкой волостного старшины. Лауниц вынуждал С.П. Курникову взять свое прошение обратно, ругал ее неприличными словами, а в довершение всего посадил в дежурку при волостном правлении за отказ взять назад прошение. Уже после того, как С.П. Курникова была отпущена, она снова была вызвана в камеру земского начальника и вновь подверглась оскорблениям. Жалоба ее на действия старшины была оставлена без последствий [17, л. 1-2]. Однако на этом неугомонная просительница не остановилась, а спустя несколько дней обратилась в губернское присутствие. В данном случае удивительно решение присутствия, которое сочло жалобу С.П. Курниковой неосновательной, явно не желая марать «честь» мундира наказанием представителя власти.

В то же время, согласно исследованиям Н.А. Бузановой, не всякий крестьянин решался жаловаться и бороться с земским начальником, который и после принципиальной отмены его окончательного постановления все же оставался для него полновластным опекуном-хозяином [18, с. 184].

К тому же все условия, которыми была обставлена деятельность земских начальников – невысокий образовательный уровень, необязательность юридических знаний, дискреционный характер полномочий, когда земский начальник мог распоряжаться по своему усмотрению, недостаточность надзора и контроля свыше, авторитет власти, которой они были наделены, – побуждали к осознанию собственного всемогущества во вверенном земскому начальнику участке. Это избавляло от тягостной необходимости глубоко вникать в жизнь крестьянского мира с его сложной тканью традиций, обычаев, привычек [19, с. 91].

В течение полутора лет (с января 1908 г. по май 1909 г.) в Тамбовском губернском присутствии разбиралось дело о злоупотреблениях земского начальника 5-го участка Борисоглебского уезда В.Г. Есипова. Суть его заключалась в представлении В.Г. Есиповым фиктивных документов о расходовании выданного ему денежного аванса на благотворительные дела. Губернское присутствие по-

становило потребовать от земского начальника объяснений и, имея в виду, что содеянный поступок получил огласку, признать его поведение «несовместимым с достоинством его звания, лишить его необходимой должности доверия и уважения и устранить от должности». Давая объяснения губернскому присутствию, В.Г. Есипов признал себя виновным и готов был в уплату долга заложить собственное имение [20, л. 3-4].

В итоге губернское присутствие пересмотрело полностью свое решение и постановило, что преступление земский начальник совершил не по должности, поэтому увольнения не заслуживает. Однако его должностной авторитет, особенно среди крестьян, несомненно, был подорван. К тому же подобные случаи усиливали убежденность крестьян в том, что губернская власть покрывает преступления. Среди крестьянской массы росло убеждение, что земский начальник просто останется безнаказанным.

Ко всему прочему ревизиями было выявлено, что судебное производство земских начальников изобиловало грубыми нарушениями элементарных процессуальных правил. Это и отождествление «подозрения» с «обвинением», привод обвиняемого без посылки ему повестки, замена вызывных повесток приказами о явке, предварительное заключение под стражу в тюрьму вместо арестного дома, медленное разбирательство уголовного дела с допросом свидетелей при полном отсутствии обвинителя и обвиняемого и т. п.

Однако еще одной контролирующей инстанцией оставался губернатор, который мог при желании умерить произвол земского начальства. Но, объективно говоря, ему это было сделать труднее, и не только по причине собственной занятости. Губернаторская ревизия в большинстве случаев «бумажная», а бумага, как известно, все стерпит. Она будет «чиста», если письмоводитель опытен и умел. Наконец, опросами, следствиями можно было уронить престиж земских начальников, что власти было невыгодно.

Таким образом, контроль за институтом земских начальников существовал. Но был он скорее формальным, нежели фактическим. Практически во всех инстанциях – уездный съезд, губернское присутствие – земские начальники находили, за некоторы-

ми исключениями, поддержку. Ревизии, которые могли бы вскрыть негативные моменты деятельности земских начальников, были крайне редки. За 26-летнее существование института в Тамбовской губернии они проводились всего лишь 6 раз. Первая ревизия была проведена только в 1906 г., то есть спустя 15 лет после его введения. За это время, естественно, в сознании земских начальников укрепилась мысль в том, что чтобы они не делали, как бы не разбирали дела, какие бы жалобы на них не поступали, это никаким образом не отразится на их непосредственной служебной деятельности. Коренным образом положение не изменилось и после проведенных ревизий. Как правило, они не имели последствий, хотя и обнаруживали массу злоупотреблений. Все это делало власть земских начальников не только всеобъемлющей, позволявшей вмешиваться во все стороны крестьянской общественной и частной жизни, но и бесконтрольной. Земскому начальнику ничто не мешало быть полновластным хозяином на своей территории. Каждый из них мог сказать: «Я в своем участке – все!».

Список литературы

1. Положения и правила о земских участковых начальниках, городских судьях и волостном суде. Спб., 1903.
2. Сборник узаконений крестьянских и судебных учреждений, преобразованных по закону 12 июля 1889 г. Спб., 1890.
3. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных учреждениях (у земских начальников, городских судей, в уездных съездах и в губернских присутствиях). Одесса, 1892.
4. О земских начальниках, их съездах и о деятельности сих учреждений. Спб., 1898.
5. Новиков А.И. Записки земского начальника. Спб., 1899.
6. Право. 1901. № 14.
7. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в изображении современника. М., 2000.
8. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
9. Дедюлин С.А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. Спб., 1902.
10. Поливанов В. Записки земского начальника // Русская мысль. Москва; Петроград, 1917. № 9-10.

11. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 26. Оп. 4. Д. 208.
12. ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 75-б.
13. ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 213.
14. ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 352.
15. ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 694.
16. Вестник Европы. 1895. № 10.
17. ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 812-п.
18. Бузанова Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии и их роль в жизни русского крестьянства // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 6. С. 182-187.
19. Бузанова Н.А. Основные требования, предъявляемые к должности земского участкового начальника по контрреформе Александра III // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 1 (165). С. 86-92. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-1(165)-86-92.
20. ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 346-а.
8. Vilenskiy B.V. *Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii* [Judicial Reform and Counter-reform in Russia]. Saratov, 1969. (In Russian).
9. Dedyulin S.A. *Krest'yanskoe samoupravlenie v svyazi s dvoryanskim voprosom* [Peasant Self-Government in Connection with the Noble Question]. St. Petersburg, 1902. (In Russian).
10. Polivanov V. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Notes by Territorial Chief]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought]. Moscow, Petrograd, 1917, no. 9-10. (In Russian).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 26, list 4, file 208. (In Russian).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 26, list 4, file 75-b. (In Russian).
13. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 26, list 4, file 213. (In Russian).
14. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 26, list 4, file 352. (In Russian).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 26, list 4, file 694. (In Russian).
16. *Vestnik Evropy* [European Bulletin], 1895, no. 10. (In Russian).
17. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 26, list 4, file 812-p. (In Russian).
18. Buzanova N.A. *Zemskie nachal'niki Tambovskoy gubernii i ikh rol' v zhizni russkogo krest'yanstva* [Territorial chiefs of the Tambov province and their role in life of the Russian peasantry]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i processy – Social and Economic Phenomena and Processes*, 2013, no. 6, pp. 182-187. (In Russian).
19. Buzanova N.A. *Osnovnye trebovaniya, pred'yavlyayemye k dolzhnosti zemskogo uchastkovogo nachal'nika po kontrreformе Aleksandra III* [Main requirements to shire reeve's post on a counter-reform of Alexander III]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 1 (165), pp. 86-92. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-1(165)-86-92. (In Russian).
20. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 26, list 4, file 346-a. (In Russian).

References

1. *Polozheniya i pravila o zemskikh uchastkovykh nachal'nikakh, gorodskikh sud'yakh i volostnom sude* [Contribution and Rules of Territorial Chiefs, Municipal and Volost Courts]. St. Petersburg, 1903. (In Russian).
 2. *Sbornik uzakonenykh krest'yanskikh i sudebnykh uchrezhdeniyakh, preobrazovannykh po zakonu 12 iyulya 1889 g.* [Digest of Legalization of Peasant and Court Institutes That Were Reformed Because of the Law of July 12, 1889]. St. Petersburg, 1890. (In Russian).
 3. *Ocherki grazhdanskogo sudoproizvodstva v novykh administrativno-sudebnykh uchrezhdeniyakh (u zemskikh nachal'nikov, gorodskikh sudey, v uezdnykh s"ezdakh i v gubernskikh priststviyakh)* [Notes of Civil Legal Proceedings in New Administrative and Court Institutes (by Territorial Chiefs, City Judges, in Uezd Conferences and Governorate)]. Odessa, 1892. (In Russian).
 4. *O zemskikh nachal'nikakh, ikh s"ezdakh i o deyatelnosti sikh uchrezhdeniy* [About Territorial Chiefs, Their Conferences and Activity of Their Institutes]. St. Petersburg, 1898. (In Russian).
 5. Novikov A.I. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Notes of Territorial Chief]. St. Petersburg, 1899. (In Russian).
 6. *Pravo* [Law], 1901, no. 14. (In Russian).
 7. Gurko V.I. *Cherty i siluety proshlogo: pravitel'stvo i obshchestvennost' v izobrazhenii sovremennika* [Features and Silhouettes of Past: Government and Society in Representing Modernity]. Moscow, 2000. (In Russian).
- Поступила в редакцию 16.01.2017 г.
Received 16 January 2017

UDC 93

TERRITORIAL (ZEMSKY) DISTRICT CHIEFS AS AN OBJECT OF CONTROL (BASING ON THE EXAMPLE OF TAMBOV PROVINCE)

Natalya Anatolevna BUZANOVA

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of Specialized Pre-University Preparation Department
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: buzanova.natalya@yandex.ru

The institution of zemsky chiefs as an object of control from higher authorities is considered. It is interesting to mention that zemsky chiefs were totally controlled though they themselves had a lot of powers: administrative and judicial functions, participating in commissions etc. The authorities obeyed "the county congress" which consisted of administrative and judicial attendance. Analysis of the following research showed that the county congress was same nobleman's institution as zemsky chiefs. Thus, control was rather formal. Revisions of zemsky districts were rare. In Tambov province they took place between 1906–1909, in 1912 and in 1915. In most cases the revisions had successful results despite the found mistakes. So the control existed but it was formal enough. Nearly all zemsky chiefs except for some had support. All these factors made the power of authorities enormous, able to interfere into many aspect of peasants' life.

Key words: zemsky chief; civil matters; criminal cases; control; revision; Tambov province counties

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-121-128

Информация для цитирования:

Бузанова Н.А. Земские начальники как объект контроля (на примере Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 3 (167). С. 121-128. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-121-128.

Buzanova N.A. Zemskie nachal'niki kak ob"ekt kontrolya (na primere Tambovskoy gubernii) [Territorial (zemsky) district chiefs as an object of control (basing on the example of Tambov province)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 3 (167), pp. 121-128. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-121-128. (In Russian).